

Р. Е. Азизбаева

К ВОПРОСУ О СМЕРТИ СМОЛЕНСКОГО ГУБЕРНАТОРА АЛЕКСЕЯ БАСКАКОВА

Алексей Петрович Баскаков – историческая личность, не раз упомянутая в опубликованных архивных материалах, классических исследованиях, в трудах современных историков. Сюжеты с его участием были объектом внимания в XVIII–XIX вв.¹ Они привлекают наших современников: М. В. Бабич², Д. О. Серова³, И. В. Курукина⁴, Г. Мамедову, В. П. Лыцова⁵ и др.⁶

Однако Баскаков не становился центральной фигурой публикаций. До сих пор существуют неясности в его биографии. Так, известные данные о жизни и карьере А. П. Баскакова не содержат точных дат рождения и смерти, не указывают обстоятельств его кончины.

Например, в статье биографического словаря А. Половцева констатируется отсутствие сведений о дальнейшей жизни Баскакова после управления Смоленской губернией⁷. Д. О. Серов в кратком биографическом материале не приводит временные значения появления на свет и ухода тайного советника⁸. Публикация С. Р. Долговой и Т. А. Лаштевой содержит минимальные данные о Баскакове⁹. Наиболее полные сведения представлены в монографии М. В. Бабич, но даты жизни Баскакова определены как предполагаемые¹⁰. И. В. Курукин указывает причину следствия над смоленским губернатором – соращение собственной дочери¹¹. Е. Анисимов сообщает, что Баскаков и его дочь Анна осуждены за принадлежность к старообрядчеству (источник не ясен) и указывает временной промежуток с 1741 по 1743 г.¹²

Задачей нашей статьи является обращение к фактам последнего года жизни Алексея Петровича Баскакова, завершившегося нахождением под следствием в статусе секретного узника по неординарному делу о кровосмешении с дочерью. На основе опубликованных архивных материалов Синода и Сената предпринята попытка выявить точную дату смерти Баскакова и обстоятельства его ухода из жизни.

А. П. Баскаков, родившийся не ранее 1686 г.¹³, начал службу в 1704 г. солдатом Лейб-Гвардии Семеновского полка. Благодаря своим талантам, боевым и административным, он стал капитаном гвардии, доверенным соратником Петра I и выполнял ответственные поручения царя. Пост обер-прокурора Синода в послепетровское время не принес Баскакову особого благоволения правящей верхушки. Лишь в 1730 г. Алексей Петрович получил ранг действительного статского советника (кстати, Баскаков подписал «татищевский проект, проект 364-х»¹⁴). Однако большего он не достиг, на протяжении всего царствования Анны Иоанновны находился на не очень влиятельных

постах, привлекался к разбирательствам по делам духовного ведомства¹⁵, по делу князя Д. М. Голицына¹⁶. В 1736 г. Баскаков получил назначение директором Цалмейстерской конторы в реформированной Военной коллегии¹⁷. (Заметим, кандидатура Баскакова рассматривалась в качестве предполагаемого назначения иркутским вице-губернатором в 1733 г.¹⁸ Указы 1740 г. о бытии ему в Ревизион-коллегии фактически остались на бумаге¹⁹.) По делам службы Алексей Петрович систематически отправлялся в командировки²⁰. С 1739 г. действительный статский советник находился в Белгородской и Воронежской губерниях, принимая меры против распространения заразной болезни, осуществляя переписи дворянских недорослей²¹.

Смерть императрицы Анны Иоанновны, короткое регентство Э. И. Бирона, приход к власти Брауншвейг-Люнебургской династии в 1740 г. не внесли корректив в положение Баскакова, находившегося далеко от столицы. Значимым для него оказался следующий год.

В апреле 1741 г. Алексей Петрович, передав дела и ведомости о недорослях, позаботившись о подчиненных сотрудниках²², выехал наконец²³ к месту назначения для работы в Ревизион-коллегии. Вскоре по возвращении Баскакова ожидал карьерный взлет.

В середине июня 1741 г., рассуждая о претендентах на занятие поста смоленского губернатора, Сенат счел приоритетной кандидатуру Баскакова, «определенного в Ревизион-коллегию президента», «с награждением за долговременную его службу... рангом тайного советника». В июле соответствующий документ подписала правительница Анна Леопольдовна²⁴.

Немаловажным для высокого чиновника стало получение положительной резолюции, позволившей Баскакову получить жалование за прошедшие почти полтора года²⁵. Оно соответствовало генерал-майорскому рангу. (По такому же рангу чиновник получал средства с 1725 г.)

11 августа 1741 г. в Сенате тайному советнику объявили назначение, вручили патент, привели к присяге и потребовали немедленно выехать к месту службы²⁶. Однако в сентябре вновь назначенный смоленский губернатор находился в Санкт-Петербурге. Насущным вопросом являлось получение прогонных денег и лошадей²⁷. Кроме того, в начале сентября Сенат принял к рассмотрению челобитную Баскакова о неправильно начисленных на него деньгах церковниками по взятому кредиту княгини Куракиной²⁸. Весьма вероятно, что Алексей Петрович прибыл в Смоленск только в октябре 1741 г.²⁹

На посту губернатора оказался многоопытный администратор, состоятельный помещик, человек, перешагнувший пятидесятилетний рубеж, вдовец, имевший сыновей Николая, прапорщика смоленского гарнизона, Якова, сержанта Лейб-Гвардии Семеновского полка (до данным 1725 г.³⁰) и дочь Анну Павлову. Женщина еще в 1733 г. осталась вдовой (возможно, с дочерью Екатериной на руках; судьба ребенка неизвестна) и проживала в отцовском доме в Москве. Этот дом располагался в Белом городе, при повороте с Дмитровки в переулок, рядом с земельным участком церкви Рождества Богородицы, что в Столешниках³¹ (нынешний адрес места, занимавшегося храмом, – ул. Петровка, 13)³².

Нельзя не отметить конфликт, возникший почти сразу после свадьбы дочери, между Баскаковым и новой родней, зятем и сватом Павловыми. Подоплека была столь серьезная для Алексея Петровича, что он просил развода для Анны и фактически доносил в Синод на Павловых, объявляя об отсутствии у них духовных отцов. Это инициировало

следствие церковных властей по подозрению Павловых в расколе. Добиваясь своей цели, Баскаков прибегнул к заступничеству герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны, родной сестры императрицы³³. И на какое-то время дочь Анна возвратилась под родительский кров. Нельзя не усмотреть в этих событиях определенной значимости фигуры Баскакова для тех лет. Трудно заподозрить его самого в сочувствии к расколу.

Возглавив в 1741 г. приграничную губернию, где имелось много специфических внутренних проблем³⁴, тайный советник не принимал, очевидно, участия в ноябрьском перевороте, приведшем к власти Елизавету Петровну. В конце февраля следующего года в Москву для подготовки к торжествам съехался двор. Коронация императрицы состоялась в древней столице 25 апреля 1742 г.

К этому моменту следственное дело³⁵ в отношении Баскакова получило первые импульсы. Отправной точкой явилось задержание 10 апреля 1742 г. ночного вора в доме князя В. Хованского, «на хоромах под кровлею», с железными клещами в кармане. Канцелярия Тайных розыскных дел установила, что преступник – Григорий Яковлев Поляков, крепостной А. П. Баскакова. В 1741 г. Поляков обвинялся в двух случаях воровства, отлучке из вотчины, побеге из-под караула. За ложное объявление государева дела его наказали кнутом, вырвали ноздри и сослали в Оренбург, в шахты. Оттуда он бежал³⁶.

Поляков, подвергнутый допросу 12 апреля, вновь сказал «слово и дело» по второму пункту. Якобы в 1739 г. в Белгороде он узнал сведения, которые уже пытался тогда же объявить властям, но безрезультатно. Подвергнутый трем пыткам рецидивист утвердился в следующих показаниях, содержащих обширную информацию.

Лет восемь тому назад (примерно в 1734 г.), когда вдова Анна Павлова переехала в дом своего отца Баскакова, между ними началась связь («жила со своим отцом блудно»), в результате которой появилась на свет дочь Мария. Ребенок жил недолго и «года четыре тому назад скончался». Свидетелями этих событий объявлялись крепостные люди Павловой и Баскакова. Поляков утверждал, что помещица Павлова ездила к отцу в Белгород и «жила с ним блудно, о чем ведали и караульные солдаты»³⁷.

Этот донос беглого крепостного (в документе Поляков одновременно указан как принадлежавший и помещице Павловой) оказался важным для розыска. Надо отметить, что вор вновь сбежал из-под караула в конце ноября 1742 г.³⁸

В отсутствие данных о ходе действий светских властей складывается обманчивое впечатление о некотором затишье протяженностью в два с лишним месяца. Однако известно, что в начале июня 1742 г. дочь Баскакова, Анна, направилась к отцу в Смоленск³⁹, находясь примерно на шестом месяце беременности.

11 июня императрица, озабоченная обстановкой в приграничных областях, приказала их руководителям, перечисленным поименно (в том числе и Баскакову), организовать разведку и информировать верховные власти о содержании войск⁴⁰. 1 июля 1742 г. в Сенате, рассматривая доношения с мест, занесли в протокол сведения из Смоленской губернии без обозначения имени губернатора, в отличие от иных⁴¹. (Уже после ареста тайного советника в его адрес как смоленского губернатора в начале сентября пришли вести от российского резидента в Польше⁴²; в октябре пост уволенного Баскакова занял генерал-майор М. Философов⁴³.) Именно в промежуток между 11 июня и 1 июля начали разворачиваться основные розыскные действия по делу Алексея Петровича.

18 июня 1742 г. светские власти передали расследование церковникам в полном соответствии с нормой законодательства времен Петра Великого, гласившей, что светскому

суду подлежали дела о кровосмешении, с уточнением, «токмо о важности греха, соглашением Синода»⁴⁴. Процесс сразу принял энергичный характер. Через три дня Синод решил привлечь к допросу дворовых Баскакова, находившихся в Москве, его вотчинных людей из Серпуховского, Брянского, Калужского, Коломенского, Тарусского уездов, из подмосковных сельца Лунева, деревни Переславской и др.

Для дачи показаний были привлечены до 40 человек, в том числе притч Рождественской церкви в Столешниках, крестовый поп Баскакова, лакеи, пажы, кучера, повара, дворецкие, калмычата, калмычки, столяры, приказчики, дворовые девки и пр. Допросы шли шесть недель до ареста обвиняемых. Всего в распоряжении следствия люди находились пять месяцев⁴⁵.

Сохранились любопытные данные о свидетелях⁴⁶. Калмыки А. П. Баскакова Петр Хвостов и Иван Немков были окрещены еще в малолетстве. После того как их роль «доказателей» в деле о кровосмешении окончилась, они вернулись к наследнику, Николаю Баскакову, но были вынуждены покинуть господина, сосланные им со двора. В скитаниях и поисках пропитания новокрещенцы решили просить о милости Синод. Там отнеслись к просьбе благосклонно и определили Хвостова с Немковым в Спасский училищный монастырь на казенный кошт. Но учење у студентов не заладилось. В марте 1751 г. префект иеромонах Константин доносил начальству о невозможности их обучать «за тупостию». Два года Синод игнорировал информацию. И лишь после повторного доношения, обратив внимание, что Хвостов с Немковым по пяти лет обучались в фаре и были не малолетние, Синод принял решение не тратить казенный кошт напрасно и безвозвратно и исключил их из академического списка. Решение судеб бывших свидетелей в марте 1753 г. было оставлено за Сенатом⁴⁷.

Летом 1742 г. Сенат обладал информацией о ходе расследования дела Баскакова и его дочери. 7 июля Синод сообщил правительству о высылке под караулом дворовых людей смоленского губернатора. Ситуация для тайного советника стремительно ухудшалась.

31 июля высший церковный орган потребовал ареста беременной дочери Баскакова, которую было предписано строго надзирать, чтобы «...какого в пути повреждения ей не было и чтоб сама над собою никакого вреда и пагубы не учинила и не опилась бы». (Вероятно, Павлова, выехав к отцу в июне, все еще находилась в Смоленске.) К допросу вызывались дворовые девки Анны Алексеевны⁴⁸.

Спустя примерно десять дней после ареста дочери арестовали и Баскакова. Караул доставил его в Синод 26 августа 1742 г. Господина сопровождала пара слуг⁴⁹. Канцеляристы описали имевшееся имущество губернатора: «...складни-образ, двое часов, табакерка, денег 310 руб. (примерно трехмесячная сумма обер-прокурорского жалования. – Р. А.)⁵⁰, два золотых перстня, чайный серебряный сервиз, связка писем, пшага серебряная, одежда, белье, два русых и один белый парик, перина, сахару 2 головы и проч.»⁵¹.

Доводы расследования, предъявленные женщине, которая была на сносях, и ее пожилому отцу, очевидно, оказались неоспоримы. Баскаков и его дочь быстро сознались в совершении преступления, подтвержденном всеми допрошенными свидетелями. Оно состояло в том, что в результате кровосмешения у вдовы Анны 26 июля 1734 г. появился ребенок – девочка Мария, умершая четыре года спустя, 27 сентября 1738 г. В архивном деле есть обличающие показания свидетелей. «Анна бывала в безумии около года, била своего отца табакеркой по лицу до крови и кричала, что он – злодей и супостат

начал то чинить с ней еще в девках, разлучил с мужем, и что она пойдет к государыне и объявит ей свою вину»⁵². Действительно, из-за конфликта Баскакова с зятем и сватом новобрачная вернулась в родительский дом, как это было показано выше. Однако затем, вероятно, существовало совместное проживание молодых (неизвестно, состоялся ли предполагавшийся указ Синода или стороны примирились). Сам Баскаков заявил, что «уязвился на свою дочь похотию в 1733 г., только не помнит, при жизни ее мужа или после смерти»⁵³.

Следствие привело данные о служебных командировках Баскакова в период с марта 1737 г. по январь 1738 г. Однако в опубликованных материалах не представлены сведения о почти полуторагодичном нахождении тогда еще действительного статского советника в Белгородской и Воронежской губерниях, на «Украине», в период 1739–1741 гг.

Первых детей Анны духовные власти сочли законными, зачатыми в супружестве с прапорщиком Яковом Михайловичем Павловым, умершим в походе под Азовом в ноябре 1733 г. Речь идет о дочери Екатерине и еще об одном ребенке, которого женщина не смогла выносить (при расставании с мужем Анна была беременной, однако затем случился выкидыш)⁵⁴. Нет информации о расследовании факта зачатия А. Павловой мальчика Иоанна, родившегося под арестом 5 сентября 1742 г. Он прожил всего 15 дней.

В ходе розыска следствию не удалось получить признания Баскакова о детоубийстве, несмотря на настойчивые попытки. Архимандрит Платон Малиновский, определенный Синодом 1 сентября 1742 г., имел задачи наставления к покаянию и прочего увещания подследственного, сутью которых являлось получение его признания в умерщвлении или отравлении зельем прижитых им с дочерью младенцев. Баскаков отрицал наличие других детей и просил благословения Синода на приготовление постом к исповеди, а также, чтобы «к дочери его была послана духовная персона для увещания к удержанию от отчаяния»⁵⁵. (Миссия была возложена на иерея Архангельского собора Антипа Мартинианова⁵⁶.)

Духовные власти распорядились о том, чтобы иеромонахи синодального дома попеременно отправляли в келью секретного узника (было запрещено разглашать о его чине, имени, фамилии) «утреню», «вечерню», «часы». Кроме того, один из синодальных певчих определялся для чтения псалмов и прочего. Баскакову разрешили поститься и вновь подвергли допросу по поводу детоубийства.

Через две недели после ареста смоленского губернатора, 10 сентября 1742 г., материалы расследования направили государыне Елизавете Петровне. Баскаков и его дочь Павлова обвинялись в кровосмешении, плодом которого была умершая несколько лет назад девочка Мария⁵⁷.

Несколько месяцев узники ожидали решения своей участи. Тем временем в конце ноября бежал из-под караула вор-рецидивист Поляков, с чьих показаний началось дело, и 4 декабря отпустили в вотчины дворовых людей Баскакова.

Неожиданно 8 декабря 1742 г. секретный узник Баскаков скорострительно скончался. Обстоятельства случившегося описаны так: обычный распорядок дня заключенного – хождение, сидение, прием пищи – прервался кашлем. Продолжая кашлять, Баскаков сел на стул, поддерживаемый своим слугой. (Слуга варил пищу и прислуживал ему. Прибыл с арестантом, вероятно, еще из Смоленска.) Кашель не прекращался, и внезапно наступила смерть. Ее время в документах отражено не точно: «... в вечеру, часов например в 6 или 7»⁵⁸.

Уход из жизни Баскакова был значимым событием, и в Синодальную канцелярию прибыл обер-прокурор Я. П. Шаховской. Он распорядился вызвать для анатомирования тела медика из Медицинской канцелярии. Лекарь Федор Карпов нашел во вскрытой грудной клетке много воды с сукровицей, «которая и отняла дыхание». Доклад о происшедшем обер-прокурор направил императрице⁵⁹. Кстати, в опубликованных мемуарах Шаховского⁶⁰ эпизода с Баскаковыми нет.

Между прочим, через день после смерти Баскакова, 10 декабря, вор-рецидивист Поляков был пойман.

Милосердная правительница, ознакомившись с обер-прокурорским докладом, повелела оставшееся имущество и тело Баскакова отдать его детям для погребения «таким обыкновением, как о таковых скончавшихся православная церковь повелевает». Кроме того, 12 января 1743 г. была решена участь Анны Павловой. Императрица приказала послать Анну в один из сибирских монастырей в вечное покаяние и постричь ее там в монашество⁶¹.

Жестко отреагировал Синод. Из документов следует суть занятой им позиции. Поскольку при жизни до ареста Баскаков своего греха на исповеди не открывал (вина следствием явно установлена – кровосмешение), покаяния не приносил и не объявлял в ходе расследования о желании исповедаться, ни через кого не просил и не требовал о том, «при церквах святых погребать яко не каявшегося и христианского погребения недостойного отнюдь не дерзать»⁶². Ослушникам угрожали Божьим гневом, гневом ее императорского величества и отлучением от церкви. Контроль за исполнением возлагался на Духовную декастерию.

Из рассмотренных данных дела неясны причины противоречивого отзыва Синода на погребение тела Баскакова (его просьбу о посте удовлетворили, вина на допросе была им признана), а также несовпадение мнений верховного лица и духовных властей по этому вопросу.

Во исполнение указа Елизаветы Петровны о дочери Баскакова в начале февраля 1743 г. церковные власти составили бумаги, содержавшие ссылки на нормы, установленные святыми отцами, готовясь отправить Анну Павлову на восток.

Но та не собиралась безгласно принимать судьбу. Находясь в Вознесенском девичьем монастыре, она объявила о желании исповедаться и приобщиться Святых Тайн, а также заявила о необходимости дать важное показание в Конторе Правительствующего сената.

Но выслушавшие ее представители светской власти, видимо, никак не отреагировали. «Важности в ея показании никакой не явилось... возвращена в... монастырь», – следует из материалов архивного дела. В Конторе Сената на заседании присутствовали архимандрит Высокопетровского монастыря Пахомий и секретарь Боголюбов⁶³.

Вскоре после полугодичного заточения в Москве дочь Баскакова под караулом отправили в Сибирь. Дорога заняла месяц. Не сразу она обрела постоянное место дальнейшего нахождения. До июня 1743 г. Павлова содержалась под строгим заключением в тобольском Рождественском монастыре. Однако он располагался в городе. Митрополит донес в Синод, что из дальних монастырей, пригодных для «крепкожительного той колодницы содержания», подходит Далматов Введенский девичий монастырь, но он пострадал от недавнего пожара. Монахинь и келейниц переместили в Тесинское, поселье Успенского Далматова монастыря, отстоявшее в 50 верстах. На новом месте имелась крепкая ограда и достаточно келейного строения. Тобольский митрополит Антоний

переместил Павлову из Тобольска в Тесинское. В 1744 г. на февральский запрос Синода о колоднице Анне Павловой, как она исправляет церковные правила, митрополит ответил: «В покорении и без противления»⁶⁴.

Казалось бы, А. П. Баскаков и его дочь канули в небытие. Но спустя и десять лет в Синоде не забыли о расследованном деле. В 1753 г. Сенат получил документ от церковных властей, отправленный вместе с бывшими «доказателями», отчисленными студентами Хвостовым и Немковым. Он содержал рекомендацию: не следует мужчин возвращать в услужение сыну Баскакова Николаю и прочим наследникам, «ибо чаятельно, что они за обличение Баскакова в кровосмешении могут претерпевать от них напрасное озлобление и отмишение». Сенат выдал Хвостову и Немкову паспорта для свободного проживания, «где и у кого они пожелают»⁶⁵.

Алексей Петрович Баскаков, боевой гвардеец и профессиональный администратор, не переставал быть значимой фигурой, даже покинув земной мир.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Представленные данные опубликованного архивного дела, на наш взгляд, не полны, тем самым оставляя ряд вопросов без ответа. Например, донос рецидивиста Полякова содержал эпизод с преступным сожительством обвиняемых во время нахождения Баскакова в Белгороде. В материалах есть указание на беременность, рождение и смерть младенца, но этот мальчик не приписывался Баскакову. Арестованному задавали вопросы о семилетнем периоде после рождения внебрачного ребенка (1734–1741 гг.), в который могли появляться и умерщвляться другие возможные дети кровосмешения.

Кроме того, тот же Поляков сообщил в Тайной розыскной канцелярии о попытке донести до властей некие сведения. Реакции на это не было. Неясно, кто получил донос – духовные или светские органы. Если в 1739 г. донос относительно Баскакова и его дочери действительно существовал, остаются неизвестны причины его игнорирования в то время. А в 1742 г., на первом году царствования новой императрицы Елизаветы Петровны, преступление, начало которому было положено восемь-девять лет назад, целенаправленно расследовалось духовными властями, информировавшими светские власти о деталях процесса.

Безусловно, как у любого крупного чиновника, у А. П. Баскакова были недруги, завистники, враги. Известна его деятельность в следственных органах в 1717–1724 гг. Историк Ф. В. Благовидов утверждал, что, реализуя указ Петра I 1724 г. о реформе монастырей, тогдашний капитан гвардии чувствительно задел интересы влиятельнейшего слоя духовенства⁶⁶. Пост обер-прокурора Синода, представителя государственной власти в церковном органе, очевидно, мог доставить дополнительных недоброжелателей Баскакову, который действовал в духе заветов царя-преобразователя.

Многое утеряно навсегда, закрыто плотной пеленой времени. Многие тайны скрывают сохранившиеся архивы. Жизненный путь Алексея Баскакова, одного из соратников Петра Великого, боевого офицера, профессионального администратора, служившего Российской империи при трех императорах и трех императрицах, заслуживает к себе пристального внимания, основанного на детальном изучении документов первой половины XVIII столетия.

Пока же в завершение статьи можно уверенно констатировать, что секретный арестант Синода, уволенный с поста губернатор Смоленской губернии Алексей Петрович Баскаков, скоропостижно умер 8 декабря 1742 г. по старому стилю.

- ¹ См.: *Саловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 9 : Начало 20-х годов XVIII века – 1725. М. ; Харьков, 2003; *Галиков И. П.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 9. М., 1838; *Благовидов Ф. В.* Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Опыт исторического исследования. Казань, 1898; Записки князя Петра Долгорукова / пер. с фр. А. Ю. Серебрянниковой ; вступ. ст., примеч. и указатель С. Н. Искуля. СПб., 2007.
- ² См.: *Бабич М. В.* Государственные учреждения XVIII века: Комиссии Петровского времени. М., 2003; *Она же.* Суд над князем Д. М. Голицыным: 280 лет спустя // ТГЭ. [Г.] 90 : Петровское время в лицах – 2017 : материалы науч. конф. СПб., 2017. С. 36–48.
- ³ См.: *Серов Д. О.* Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. (Нация и культура. Новые исследования : История); *Он же.* Забытое учреждение Петра I: Вышний суд (1723–1726 гг.) // Российское самодержавие и бюрократия : сб. ст. в честь Н. Ф. Демидовой / отв. ред. А. А. Преображенский. М. ; Новосибирск, 2000. С. 219–237.
- ⁴ См.: *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. (Новейшая российская история: исследования и документы ; т. 6); *Он же.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010.
- ⁵ См.: *Мамедова Г.* Русские консулы об Азербайджане (20–60-е годы XVIII века). Баку, 1989; *Авсцов В. П.* Персидский поход Петра I. 1722–1723. М., 1951.
- ⁶ См.: *Азизбаева Р. Е.* Московская школа для «засорных» детей (возникновение и судьба замысла) // ТГЭ. [Г.] 47 : Петровское время в лицах – 2009 : К 300-летию Полтавской битвы (1709–2009) : материалы науч. конф. СПб., 2009. С. 18–25.
- ⁷ *Рудаков В.* Баскаков Алексей Петрович // РБС. Т. 2 : Алексинский – Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 558.
- ⁸ *Серов Д. О.* Администрация Петра I. С. 25.
- ⁹ Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. // Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / публ. С. Р. Долговой, Т. А. Лаптевой. М., 2000. С. 609.
- ¹⁰ *Бабич М. В.* Государственные учреждения XVIII века: Комиссии Петровского времени. С. 419.
- ¹¹ *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь». С. 314.
- ¹² Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.) [Электронный документ]. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/persons/228859593> (дата обращения: 25.06.2021).
- ¹³ *Бабич М. В.* Государственные учреждения XVIII века: Комиссии Петровского времени. С. 419.
- ¹⁴ *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь». С. 188.
- ¹⁵ Так, Баскаков несколько раз сообщал сведения в Комиссию следствия о Вознесенском девичьем монастыре. См.: Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. / под ред. А. Н. Филиппова. Т. 10 : (1739 г.) (Июль – декабрь) // Сб. РИО. Т. 130. Юрьев, 1909. С. 418, 495, 589, 655.
- ¹⁶ *Бабич М. В.* Суд над князем Д. М. Голицыным: 280 лет спустя. С. 36–48.
- ¹⁷ *Бабич М. В.* Государственные учреждения XVIII века: Комиссии Петровского времени. С. 419.
- ¹⁸ Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. / под ред. А. Н. Филиппова. Т. 2 : (1733 г.) // Сб. РИО. Т. 106. Юрьев, 1899. С. 331.
- ¹⁹ Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. Т. 11 : (1740 г.) (Январь – май) // Сб. РИО. Т. 138. Юрьев, 1912. С. 132–136; Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. Т. 12 : (1740 г.) (Июнь – октябрь) // Сб. РИО. Т. 146. Юрьев, 1915. С. 464–465; СА. 2. Журналы и определения Правительствующего Сената. СПб., 1889. С. 57.
- ²⁰ ОДАСС. Т. 22 : (1742 г.). М., 1915. № 592/655. Стб. 446.
- ²¹ Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. Т. 10. С. 98, 200, 338.
- ²² СА. 2. Журналы и определения Правительствующего Сената. СПб., 1889. С. 583–584; СА. 4. Журналы и определения Правительствующего Сената за июнь, июль, август, сентябрь 1741 г. СПб., 1891. С. 253, 631.

- ²³ Доношение А. П. Баскакова о том, что дела с переписной недорослей почти завершены, но без указа он не смеет возвращаться, записано в протоколе среди входящих бумаг от 25 ноября 1739 г. См.: Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. Т. 10. С. 543. Еще одно доношение Баскакова рассматривалось Сенатом 11 февраля 1741 г. Было решено требовать резолюции в Кабинете о смене Баскакова. См.: СА. 2. Журналы и определения Правительствующего Сената. С. 569.
- ²⁴ СА. 4. Журналы и определения Правительствующего Сената за июнь, июль, август, сентябрь 1741 г. С. 92, 173.
- ²⁵ Сенат рассматривал прошение Баскакова 29 декабря 1740. См.: СА. 2. Журналы и определения Правительствующего Сената. С. 301–302; СА. 4. Журналы и определения Правительствующего Сената за июнь, июль, август, сентябрь 1741 г. С. 305. Ранее он подавал прошение с просьбой выплаты заслуженных средств за сентябрьскую треть 1737 г., за 1738 г. и за январскую треть 1739 г. (время нахождения в командировках в Белгородской губернии). См.: Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. Т. 11. С. 53.
- ²⁶ СА. 4. Журналы и определения Правительствующего Сената за июнь, июль, август, сентябрь 1741 г. С. 264.
- ²⁷ Там же. С. 376.
- ²⁸ Там же. С. 348.
- ²⁹ Там же. С. 461.
- ³⁰ ОДСС. Т. 5 : (1725 г.). СПб., 1897. № 143/12. Стб. 254.
- ³¹ Переписные книги города Москвы. [1738–1742 гг.]. Т. 3. М., 1881. С. 68.
- ³² *Паламарчук П.* Сорок сороков. Т. 2. М., 1994. С. 238–241.
- ³³ ОДСС. Т. 11 : (1731 г.). СПб., 1903. № 10/237. Стб. 22–24.
- ³⁴ В Сенате в 1741 г. было известно, что в Смоленской губернии: «...великая пустота от побегов крестьян за границу», «насильственный вывоз поляками», «шляхетство в великом оскудении и разорении... не в состоянии платить подушных денег». См.: СА. 5.1. Журналы и определения Правительствующего Сената 2 октября по 23 ноября 1741 года. СПб., 1892. С. 74, 99.
- ³⁵ Автор приносит сердечную благодарность ведущему сотруднику Института российской истории РАН, д-ру ист. наук Ольге Гениевне Агеевой за ценные замечания об особенностях следственных процессов.
- ³⁶ ОДСС. Т. 22 : (1742 г.). М., 1915. № 592/655. Стб. 444.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. Стб. 447.
- ³⁹ Там же. Стб. 445.
- ⁴⁰ СА. 5.3. Журналы и определения Правительствующего Сената с 16 декабря 1741 по 15 декабря 1743 гг. СПб., 1892. С. 350–351.
- ⁴¹ Там же. С. 360.
- ⁴² Там же. С. 425.
- ⁴³ ОДСС. Т. 22 : (1742 г.). М., 1915. № 1045/122. Стб. 731.
- ⁴⁴ ПСЗ. Т. 6. СПб., 1830. № 3963. С. 650.
- ⁴⁵ ОДСС. Т. 22 : (1742 г.). М., 1915. № 592/655. Стб. 444–447.
- ⁴⁶ Там же. Т. 31 : (1751 г.). СПб., 1909. № 76/222. Стб. 139–140.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ ОДСС. Т. 22 : (1742 г.). М., 1915. № 592/655. Стб. 445.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. Т. 6 : (1726 г.). СПб., 1883. № 16/13. Стб. 28.
- ⁵¹ Там же. Т. 22 : (1742 г.). М., 1915. № 592/655. Стб. 445.
- ⁵² Там же. Стб. 445–446.
- ⁵³ Там же. Стб. 446.
- ⁵⁴ Там же. Стб. 445–446.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. Стб. 447.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ *Шаховской Я. П.* Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 9–224.
- ⁶¹ ОДСС. Т. 22 : (1742 г.). М., 1915. № 592/655. Стб. 447–448.
- ⁶² Там же. Стб. 448.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. Стб. 448–449.
- ⁶⁵ ОДСС. Т. 31 : (1751 г.). СПб., 1909. № 76/222. Стб. 139.
- ⁶⁶ *Благовидов Ф. В.* Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. С. 69.